
ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОТДЕЛЬНЫМ ВИДАМ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

COUNTERACTION TO CERTAIN TYPES OF CRIME

УДК 341.9; 343.9.018.3
DOI 10.17150/2500-4255.2017.11(4).748-760

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОФИЛАКТИКИ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

И.В. Дворянсков¹, О.А. Буркина², А.И. Кузнецов², А.А. Устинов², А.Г. Емельянова², М.Ю. Титанов²

¹ Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России, г. Москва, Российская Федерация

² Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний России, г. Пермь, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления
2 декабря 2016 г.

Дата принятия в печать
27 ноября 2017 г.

Дата онлайн-размещения
15 декабря 2017 г.

Ключевые слова

Пенитенциарная рецидивная преступность; предупреждение; криминологические основы; места лишения свободы; осужденные к лишению свободы

Аннотация. В настоящее время в исправительных колониях сохраняется тенденция к росту количества рецидивных преступлений, что объясняется как общесоциальными, так и специальными детерминантами, связанными с особенностями отношений в среде осужденных и рядом криминогенных факторов, характерных для мест лишения свободы. Получение объективного знания о состоянии пенитенциарной рецидивной преступности существенно осложняется по причине ее высокой латентности, что требует объективного криминологического исследования этого явления и выработки на его основе комплекса эффективных профилактических мер. Под профилактикой пенитенциарного рецидива следует понимать единый комплекс общих, специальных и индивидуальных мер по устранению (нейтрализации) детерминантов совершения правонарушений осужденными в ближайшей перспективе. Профилактика пенитенциарной преступности в исправительных учреждениях представляет собой целенаправленную многоэтапную работу, в которую должны быть включены сотрудники всех служб и подразделений исправительного учреждения, осуществляющие работу с осужденными. Она предполагает, во-первых, выявление и изучение действующих криминогенных факторов; во-вторых, анализ криминогенных свойств личности осужденного; в-третьих, изучение его психологических особенностей, прогнозирование индивидуального криминального поведения в условиях исправительного учреждения, устранение причин и условий, детерминирующих девиантное поведение конкретного индивида, проведение воспитательно-профилактических мероприятий, стимулирование заинтересованности осужденного в позитивной деятельности. Результатами профилактической работы должны быть исключение или сведение к минимуму факторов, порождающих преступления, иные правонарушения осужденных и отклонение их поведения от социальных норм; коррекция девиантного поведения и ресоциализация осужденных; обеспечение их безопасности, соблюдение ими законности и требований режима.

THE CRIMINOLOGICAL BASIS OF PREVENTING REPEAT CRIMES IN THE PLACES OF CONFINEMENT

Ivan V. Dvoryanskov¹, Olga A. Burkina², Alexandr I. Kuznetsov², Andrei A. Ustinov², Anastasia G. Emelyanova², Mikhail Yu. Titanov²

¹ Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, the Russian Federation

² Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Perm, the Russian Federation

Article info

Received
2016 December 2

Accepted
2017 November 27

Available online
2017 December 15

Abstract. The number of repeat crimes in penal colonies is steadily growing at present, which can be explained by both general social and by special determining factors connected with specific relationships among inmates and a number of criminogenic factors typical of places of confinement. It is not easy to gain realistic information about the situation with penitentiary repeat crimes because they are highly latent, so this phenomenon requires objective criminological research that could be used as a basis for the development of complex prevention measures. Prevention of penitentiary repeat crimes should be understood as an integrated complex of general, specific

© И.В. Дворянсков, О.А. Буркина, А.И. Кузнецов, А.А. Устинов, А.Г. Емельянова, М.Ю. Титанов, 2017

Keywords

Penitentiary repeat crimes; prevention; criminological basis; places of imprisonment; persons sentenced to incarceration

and individual measures to eliminate (neutralize) the factors determining crimes of inmates in the short term. Prevention of penitentiary crimes in places of confinement is purposeful multi-stage work involving employees of all the institution's departments and services that work with inmates. It includes, firstly, the identification and research of existing criminogenic factors; secondly, the analysis of criminogenic characteristics of a convict's personality; thirdly, the study of his/her psychological traits, prediction of individual criminal behavior in the conditions of the correctional institution, elimination of causes and conditions determining deviant behavior of a specific person as well as educational and preventative measures stimulating the inmate's interest in positive activities. Prevention work should result in the minimization of factors that generate crimes or other offences among inmates, or the deviation of their behavior from the accepted social norms; correction of deviant behavior and re-socialization of convicts; safety provisions and observance of legal and regime demands by inmates.

Важнейшей задачей организации процесса исполнения наказания является то, чтобы соотношение его эффективности и затрачиваемых на него средств было оптимальным. Под эффективностью в данном случае понимается достижение целей наказания, закрепленных в уголовном законе, и прежде всего предупреждение совершения новых преступлений. При этом следует учесть, что осужденные в подавляющем большинстве имеют стойкую антисоциальную либо асоциальную ориентацию, их поведение в той или иной мере отклоняется от существующих в обществе норм. В местах лишения свободы действует комплекс условий и факторов, детерминирующих криминальную активность осужденных, в том числе создающих предпосылки рецидивной пенитенциарной преступности. Если рассматривать последнюю как эффект, возникающий в результате исполнения наказания, то он кардинально противоположен тем целям и задачам, которые стоят перед уголовно-исполнительной системой, ставит под сомнение эффективность ее функционирования и социальное предназначение.

В науке предлагается несколько вариантов определения пенитенциарной преступности [1, с. 55; 2, с. 13; 3, с. 76] и ее подразделения по уголовно-правовым и криминологическим признакам. Так, В.А. Заборовский выделяет следующие группы пенитенциарных преступлений: преступления против жизни и здоровья (ст. 105, 107, 110–113, 115–117, 119, 121, 122 УК РФ); преступления против половой свободы и половой неприкосновенности (ст. 132–135 УК РФ); преступления против собственности (ст. 158, 161, 163, 167 УК РФ); преступления против общественной безопасности и общественного порядка (ст. 206, 212, 213, 222, 223, 228 УК РФ); преступления против правосудия

и порядка управления (ст. 313, 314, 318, 321 УК РФ) [4, с. 38].

В.С. Ишигеев подразделяет пенитенциарную преступность на собственно пенитенциарные преступления, которые могут быть совершены только в условиях исправительного учреждения (ст. 313, 314, 321 УК РФ), и общеуголовные преступления (все иные, не относящиеся к перечисленным выше) [5, с. 21].

С.Р. Тютиков предлагает следующую классификацию пенитенциарных преступлений: побег; умышленное причинение вреда здоровью; хулиганство; кража; убийство [6, с. 14].

О.В. Старков выделяет следующие группы преступлений в исправительных учреждениях: уклонение от наказания; массовое (групповое) преступное поведение осужденных; половые эксцессы; обращение с запрещенными для осужденного веществами; воспрепятствование деятельности уголовно-исполнительных учреждений и их сотрудников; традиционные разновидности преступного поведения корыстной, насильственной и иной общекриминальной мотивации [7, с. 261].

Проблема пенитенциарного рецидива преступлений, под которым мы понимаем повторную преступность осужденных к лишению свободы лиц, детерминированную негативными условиями и факторами, сопутствующими исполнению уголовного наказания в виде лишения свободы, имеет комплексную природу. В качестве рабочей гипотезы выдвинем предположение о том, что посредством криминологического изучения причинного комплекса рецидивной преступности, формируемого в процессе исполнения наказания, можно выявить основные направления, методы и средства его нейтрализации и с помощью принятия конкретных мер организационного, правового, оперативного, профилактического характера

обеспечить существенное снижение пенитенциарной рецидивной преступности.

Речь идет не только об исполнении назначенного наказания в соответствии с предписаниями закона и приговора суда. На практике работникам уголовно-исполнительной системы (УИС) зачастую приходится сталкиваться с игнорированием предъявляемых требований со стороны одних осужденных, с открытым противостоянием — со стороны других.

Таким образом, процесс исполнения наказания связан с необходимостью обеспечения не только его соответствия нормативным и судебным предписаниям. Реальное достижение поставленных целей, охрана безопасности осужденных и персонала требуют выработки и осуществления особых (профилактических) мероприятий, направленных на снижение вероятности развития девиантогенных явлений и процессов.

Серьезным фактором, продуцирующим повторную преступность, являются дефекты социализации осужденных. Как показали наши исследования, в числе основных условий десоциализации преступников выступают формирование этих лиц в неполных или неблагополучных семьях; деформация позиций в основных сферах жизнедеятельности (семья, быт, образование, познавательная сфера, труд, досуг); рассогласование ролей (конфликт с нормами и с ожиданиями окружающих); негативное влияние прежних социальных ролей, а также прямая преемственность, порождающая различные затруднения в развитии личности, а в определенных взаимодействиях — преступное поведение. Особое влияние имеют проникающие в социум элементы криминальной субкультуры. Наиболее подвержены «заражению» ею несовершеннолетние. Р. Кловард и Л. Олин отмечают, что немногие подростки самостоятельно могут овладеть ценностями общества. Когда молодые люди из идеального мира, созданного нравоучениями воспитателей, попадают в реальную жизнь, они начинают испытывать разочарование и фрустрацию. Типичная реакция на это — создание воровских шаек, объединение в агрессивные банды, вступление в антисоциальные группировки, в которых молодые люди пытаются заслониться от окружающего их коварства и лицемерия [8]. В современной криминологии для объяснения причин десоциализации и последующей криминализации склонных к девиантному пове-

дению категорий населения используется парная категория «включенные/исключенные» («inclusive/exclusive»), характеризующая современную структуризацию общества, способность приспособления к социально-экономическим условиям. По словам Я.И. Гилинского, совершенно очевидны социальные последствия процесса «включения/исключения». Именно «исключенные» составляют социальную базу преступности и иных форм девиантности (алкоголизм, наркотизм, проституция и др.) [9, с. 16]. Неудивительно, что мировая девиантология и криминология активно обсуждают «inclusive/exclusive» как один из источников девиантного поведения [10; 11].

Наиболее серьезную опасность представляют криминогенные факторы, характерные для пенитенциарной системы: негативное влияние «авторитетов» (лиц, удерживающих лидерство) на основную массу осужденных; существование особой субкультуры, неписаных правил преступного мира, переносимых в места отбывания наказания [12, с. 97–108]. Обычно осужденные обладают выраженной в разной степени личностной деформацией, в большинстве случаев обусловленной неблагоприятным влиянием условий изоляции от общества и криминальной субкультурой, распространенной в местах лишения свободы [13, с. 157]. На этом основании некоторые зарубежные авторы (Р. Моррис, Х. Пепински, М. Платек и др.) выступают против пенитенциарной (тюремной) системы, отдавая предпочтение альтернативным мерам социального контроля [14–16].

Образованное указанными авторами относительно обособленное течение в криминологии принято называть «аболиционизмом» (от лат. *abolitio* — отменять, упразднить).

Еще более радикальную «антитюремную» позицию, ставящую под сомнение само существование уголовной юстиции, занимает Дж. Бретуэйт (теория «восстановленного стыда»), исходящий из того, что общество, в котором, с одной стороны, у людей развито чувство стыда, а, с другой стороны, порицания за постыдный поступок корректны и не чрезмерны, характеризуется низким уровнем преступности (например, Япония). Он считает необходимым восстановить чувство стыда там, где оно утратило значение, не прибегая к позорящей стигматизации. Очень важно, чтобы общество было солидарно в оценках дозволенного и недозволенного, постыдного и непостыдного. «Воссо-

единый стыд — средство предупреждения преступлений, клеймение же толкает правонарушителя к криминальной субкультуре. Внутренний стыд, если он не переходит в клеймение, служит наилучшим средством социального контроля» [17].

Думается, все приведенные позиции в той или иной степени характеризуются идеализмом и не учитывают сложной (многофакторной) природы современной детерминации преступности, в особенности повторной. Вместе с тем, как отмечают А.А. Устинов и А.Г. Емельянова, в последние годы обстановка в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы, продолжает оставаться напряженной [18, с. 3–4].

Для получения более достоверных сведений о пенитенциарной преступности в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы, прежде всего следует дать оценку количеству осужденных, отбывающих в них наказание. По данным ФСИН России, на 1 октября 2017 г. всего в учреждениях УИС содержалось 609 485 чел. Из них в 713 исправительных колониях отбывало наказание 501 047 чел., в том числе в 125 колониях-поселениях — 34 975 чел.; в 6 исправительных колониях для осужденных к пожизненному лишению свободы и лиц, которым смертная казнь в порядке помилования заменена лишением свободы, — 2 013 чел.; в 217 следственных изоляторах и 98 помещениях, функционирующих в режиме следственного изолятора при колониях, — 105 551 чел.; в 8 тюрьмах — 1 461 чел.; в 23 воспитательных колониях для несовершеннолетних — 1 426 чел. В учреждениях УИС содержалось 48 099 женщин, в том числе 38 975 — в исправительных колониях, лечебных исправительных учреждениях, лечебно-профилактических учреждениях и 9 124 — в следственных изоляторах и помещениях, функционирующих в режиме следственного изолятора при колониях.

В 2016 г. в учреждениях УИС (за исключением следственных изоляторов) было зарегистрировано 860 преступлений, из них в исправительных колониях и колониях-поселениях — 851, в воспитательных колониях — 9.

Исходя из этих данных, можно вычислить более информативный, по сравнению с абсолютным количеством преступлений, показатель преступности — ее уровень. Уровень пенитенциарной преступности в испра-

вительных колониях для взрослых и колониях-поселениях в 2016 г. составил 156,17 на 100 тыс. чел., в воспитательных колониях — 545,79 на 100 тыс.

Структура преступности осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, существенно отличается от структуры преступности в стране в целом. Если в России в целом в структуре преступности первое место занимают преступления против собственности, то в структуре пенитенциарной преступности данные преступления встречаются весьма редко (по данным за 2013 г., всего 17 случаев, которые пришлось исключительно на исправительные колонии).

С другой стороны, есть преступления, совершаемые только в местах лишения свободы (ст. 313 УК РФ «Побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи»; ст. 321 УК РФ «Дезорганизация нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества»).

По статистической информации за 2006–2012 гг., наиболее распространенными преступлениями в структуре пенитенциарной преступности являлись побег из мест лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи (в 2011 г. 17 оконченных и 335 неоконченных составов преступлений). Однако с 2012 г. на первое место вышли преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ (ст. 228, 228.1 УК РФ). Количество данных преступлений, совершенных осужденными к лишению свободы на территории исправительных учреждений, в 2012 г. составило 348 (32 % от общего количества преступлений в исправительных учреждениях) и в дальнейшем проявляло тенденцию к возрастанию.

Что касается преступлений против личности, то в 2016 г. лицами, отбывающими наказание в исправительных колониях, было совершено 10 убийств (ст. 105 УК РФ), 47 случаев умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ). По сравнению с 2015 г., по этим преступлениям отмечается снижение (ст. 105 УК РФ — с 18 до 10, ст. 111 УК РФ — с 49 до 47). Однако, как свидетельствуют статистические данные, с 2003 г. их динамика весьма неустойчива, что связано, по нашему мнению, с влиянием случайных факторов в силу небольшого количества данных преступлений (табл.).

Динамика преступлений против личности, совершаемых лицами, отбывающими наказание в исправительных учреждениях, в 2003–2016 гг.

Dynamics of crimes against the person committed by inmates in places of confinement in 2003–2016

Статья УК РФ / Art. of the CC of the RF	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Статья 105 / Art. 105	8	14	18	25	24	14	18	14	10	22	13	14	18	10
Статья 111 / Art. 111	23	28	40	47	35	33	34	43	36	51	43	42	49	47

Указанные преступления являются относительно низкоконтентными, так как убийство и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью в исправительном учреждении скрыть достаточно сложно (вероятнее всего, путем маскировки под самоубийство (самоповреждение) или несчастный случай).

В соответствии со статистическими данными ФСИН России пенитенциарная преступность в учреждениях УИС имеет относительно стабильную тенденцию развития. Так, по итогам 2010 г. количество зарегистрированных пенитенциарных преступлений составило 944, в 2011 г. оно снизилось до 800, в 2012 г. отмечается рост зарегистрированных преступлений до 887, и далее их количество медленно, но верно снижается: в 2013 г. зарегистрировано 865 преступлений, в 2014 г. — 754. В 2015 г. прослеживается рост зарегистрированных преступлений в исправительных колониях до 838, в 2016 г. — до 851¹. Как видно из приведенных сведений, регистрируемая преступность варьируется от 754 до 944 преступлений, что можно увидеть на рис. 1.

При распределении пенитенциарной преступности по видам исправительных учреждений прослеживается четкая закономерность: чем более строгим является вид учреждения, тем ниже уровень преступности осужденных.

¹ Статистические данные ФСИН России. URL: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xarka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK>.

Так, по данным за 2016 г., уровень преступности в исправительных колониях в целом на 1 тыс. чел. составил 1,62, в колониях-поселениях — 5,76. Это объясняется условиями отбывания наказания (чем строже режим, тем меньше фактической возможности совершить преступление) и интенсивностью режимно-профилактической работы сотрудников, зависящей от вида режима.

Также необходимо обратить внимание на относительность коэффициента зарегистрированных преступлений на 1 тыс. осужденных (криминализированных личностей, сконцентрированных в одном месте) и коэффициента зарегистрированных преступлений на 1 тыс. проживающих на территории Российской Федерации (т.е. лиц, менее криминализированных, чем осужденные). По данным ФСИН России, динамика коэффициента зарегистрированной преступности в исправительных колониях на 1 тыс. чел. выглядит так: 2010 г. — 1,33; 2011 г. — 1,23; 2012 г. — 1,49; 2013 г. — 1,53; 2014 г. — 1,36; 2015 г. — 1,59 и 2016 г. — 1,62. По информации Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации, зарегистрированная преступность на территории Российской Федерации на 1 тыс. чел. выглядит следующим образом: 2010 г. — 18,40; 2011 г. — 16,82; 2012 г. — 16,08; 2013 г. — 15,37; 2014 г. — 14,99; 2015 г. — 15,28 и 2016 г. — 14,77 (рис. 2).

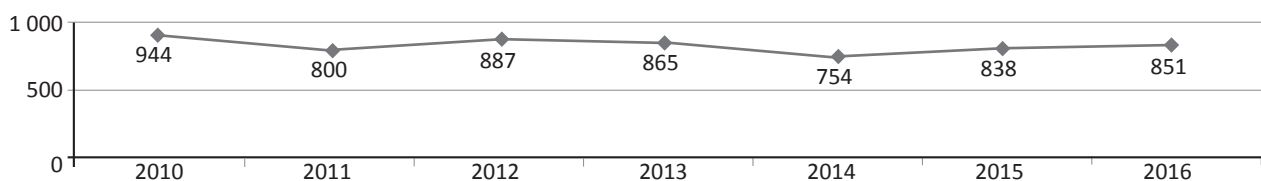

Рис. 1. Динамика зарегистрированных в исправительных колониях ФСИН России преступлений в 2010–2016 гг.

Fig. 1. Dynamics of crimes registered in penal colonies of the Federal Penitentiary Service of Russia in 2010–2016

Рис. 2. Динамика коэффициента зарегистрированных в 2010–2016 гг. преступлений на 1 тыс. чел.

Fig. 2. Dynamics of the coefficient of registered crimes per 1 th. people registered in 2010–2016

Как видно из приведенных данных, коэффициент зарегистрированной преступности среди простых граждан почти в 10 раз выше, чем среди лиц, в большей своей части склонных к совершению различных противоправных действий, в том числе и уголовных преступлений.

Исследователями отмечается, что пенитенциарная преступность, и в частности преступность осужденных в исправительных колониях, обладает повышенной латентностью по сравнению с преступностью в целом [19, с. 46].

По результатам исследований, проведенных двумя коллективами отечественных криминологов под руководством профессоров К.К. Горяинова и С.М. Иншакова с применением отличных друг от друга методик, были получены сходные данные об уровне текущей преступности в России, который почти в 10 раз превышает уровень зарегистрированной преступности [20, с. 44], что свидетельствует о высокой латентности преступности в обществе в целом по всей территории России. А проведенное сравнение коэффициентов зарегистрированной преступности в обществе и в местах лишения свободы говорит о еще более высоком уровне латентности преступности в местах лишения свободы, которая обусловлена спецификой пенитенциарной системы.

В УИС в настоящее время одним из критериев оценки деятельности любого учреждения является, в частности, количество зарегистрированных преступлений. По результатам опросов сотрудников пенитенциарных учреждений, осужденных, содержащихся в них, сравнения и анализа документов, в том числе и статистической отчетности, это приводит к действиям, направленным на занижение фактического со-

стояния преступности, а в итоге — к ее реальному росту.

В исправительных учреждениях действует несколько факторов, обуславливающих латентность пенитенциарной преступности. Прежде всего, это специфика правосознания, обусловленная нормами поведения («понятиями») в среде осужденных, страх осужденных перед нарушением данных норм. По этим «понятиям», заявление осужденного администрации о преступлении другого осужденного, особенно имеющего высокий неформальный статус, — тяжкий проступок, способный повлечь как минимум снижение неофициального статуса заявившего, перевод его в разряд изгоев («опускание»), а нередко — физическую расправу над «предателем» вплоть до убийства. Даже если пенитенциарные преступления официально регистрируются, то их расследование и раскрытие нередко бывают сопряжены со значительными трудностями, так как свидетели, потерпевшие или соучастники, руководствуясь неформальными нормами, зачастую отказываются от дачи показаний либо дают ложные показания, чтобы «прикрыть» виновного с высоким неформальным статусом, допуская даже самооговор. Так, телесные повреждения, полученные от других осужденных, потерпевшие могут выдавать за несчастные случаи или самоповреждения, очевидцы же происшествия либо подтверждают версию потерпевшего, либо заявляют, что ничего не видели.

По данным Н.С. Артемьева и М.Ю. Титанова, 89 % сотрудников исправительных учреждений указывают, что регистрируются не все преступления, совершаемые в их учреждениях, при-

чем 81 % сотрудников основной причиной этого отмечает то, что факты зарегистрированных преступлений негативно скажутся на рейтинге учреждения и повлекут дисциплинарную ответственность сотрудников [21]. Почти по каждому пятому насильственному эксцессу (44 случая) в отношении сотрудников учреждений УИС следственными органами было отказано в возбуждении уголовного дела за отсутствием состава преступления, что также свидетельствует о высокой латентности данных деяний [22, с. 39].

В качестве одной из причин искусственной латентности пенитенциарных преступлений отмечается также недостаточный профессионализм отдельных сотрудников исправительных учреждений, не позволяющий им правильно квалифицировать общественно опасные деяния осужденных [23].

Еще одним фактором, обуславливающим латентность пенитенциарной преступности, выступает неправомочность поведения самого потерпевшего либо лиц, являющихся сторонами преступной «сделки». Большинство преступлений против личности в условиях пенитенциарного учреждения возникает на почве обоюдного конфликта, где провоцирующее агрессивное поведение присуще обеим сторонам. Что касается таких деяний, как преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств (ст. 228, 228.1 УК РФ), коррупционные преступления, их повышенная латентность обусловлена неправомочностью поведения всех лиц, вовлеченных в данное преступление (сбывающих и приобретающих наркотики; дающих и получающих взятку), и поэтому все эти лица принимают меры по сокрытию данного преступления.

До сих пор уровень латентной преступности в исправительных колониях не подвергался объективной и всесторонней оценке. Однако исследователями предпринимаются попытки хотя бы приблизительно определить фактическое количество преступлений, совершаемых в учреждениях УИС. С.М. Иншаков, основываясь на комплексной методике оценки уровня такой преступности, приводит следующие данные о коэффициентах латентности специфических пенитенциарных преступлений: ст. 313 («Побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи») — 1,1 (на 376 зарегистрированных побегов пришлось 56 незарегистрированных), ст. 314 («Уклонение от отбывания наказания») — 1,1 (57 зарегистрированных, 8 незарегистрированных), ст. 321 («Дезорганизация деятель-

ности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества» — 5,1 (216 зарегистрированных, 884 незарегистрированных) [24, с. 570–586].

Таким образом, рецидивная преступность осужденных представляет собой специфический вид повторной преступности: это совокупность преступлений, совершенных лицами, содержащимися в учреждениях УИС, исполняющих наказание в виде лишения свободы. Согласно статистическим данным, большая часть преступности данного вида приходится на исправительные колонии. Однако следует иметь в виду, что официальные статистические сведения не в полной мере дают возможность определить реальное состояние пенитенциарной рецидивной преступности в силу ее высокой латентности.

Исходя из сказанного особую актуальность приобретает профилактика пенальных правонарушений и девиантного поведения осужденных в целом. Ее сущность и значение неразрывно связаны с достижением целей наказания. К числу объектов профилактических мероприятий следует относить:

1. Внешние факторы, определяемые средой, в которой может развиваться преступная деятельность, а именно: характер межличностных связей, социально-ролевые особенности лиц, склонных к девиантному, делинквентному поведению, виктимологическая картина. Применительно к рассматриваемой проблеме необходимо подчеркнуть важное значение обеспечения неукоснительного соблюдения режима, охраны прав осужденных. Неадекватные и несправедливые действия и требования администрации и сотрудников учреждения, исполняющего наказание, могут вызвать резкую волну протестных настроений осужденных и, как следствие, противозаконных действий, преимущественно насильственного характера. Серьезную опасность представляют и конфликты среди осужденных. Разумеется, такие ситуации являются питательной средой для противоправной деятельности, в целом делают процесс исполнения наказания контрпродуктивным.

2. Проявление поведения осужденных, отклоняющегося от норм, в том числе от требований режима. В отличие от предупреждения как цели наказания, объектом профилактики должно быть любое правонарушение, акт неповиновения и даже нестандартного поведения, поскольку они представляют собой обстоятельства, непосредственно продуцирующие криминальную активность осужденных.

3. Психологические особенности, ценностные ориентации, мотивация осужденных, склонных к девиантному поведению, их установки, способности, возможности по реализации последних.

4. Состояние контроля со стороны официальных органов и лиц, в чью компетенцию входит исполнение наказаний, а также организация и осуществление мер по предупреждению правонарушений.

В целях выявления личностных особенностей преступника необходимым является установление его социально-демографических, уголовно-правовых, криминологических и психологических признаков. Исследование, проведенное А.Г. Емельяновой, предоставляет возможность составить типологический портрет пенитенциарного преступника с присущими ему признаками:

– социально-демографические — возраст 30–39 лет; не состоит в браке; образование общее (неполное среднее), среднее общее (среднее);

– уголовно-правовые и уголовно-исполнительные: в основном осужден за преступления, предусмотренные ст. 228–230 УК РФ, ч. 1–2 ст. 321 УК РФ; совершил преступление в исправительной колонии строгого режима и колонии-поселении; имеет три и более судимости; отбывает наказание за преступления против собственности, жизни и здоровья; преступление совершается в составе группы, где лицо чаще всего выступает в качестве лидера; срок наказания — до пяти лет лишения свободы; характеризуется с отрицательной стороны либо является злостным нарушителем режима отбывания наказания; имеет ряд дисциплинарных взысканий, большинство из которых составляют помещение в ШИЗО либо перевод в ПКТ, ЕПКТ;

– криминологические и психологические показатели: состоял на профилактическом учете; время суток, когда было совершено преступление, — утро, ночь; факторы, послужившие причиной нарушения прав и законных интересов осужденных или иных лиц; мотивы совершения преступления — частичное или полное отрицание режима содержания; корпоративное чувство солидарности, осознание себя в качестве члена определенной привилегированной группы; способы вовлечения осужденных к совершению противоправных действий — угрозы, спекуляции, направленные на поддержание воровских традиций.

Содержание профилактики пенитенциарного рецидива определяется двумя целями: ближайшей и перспективной, выражающимися, соответственно, в обеспечении: 1) безопасности осужденных и соблюдения ими требований и условий исполнения наказания; 2) предупреждения как цели наказания.

Важное профилактическое значение имеет *обеспечение адаптации и воспитательного воздействия* на осужденных. Генезис любого правонарушения обусловлен не только факторами внешней среды, но также и особенностями личности правонарушителя. В.Н. Кудрявцев обоснованно указывал на взаимодействие в механизме преступного поведения психических процессов и состояний, рассматриваемых в динамике, с факторами внешней среды, детерминирующими это поведение. Каждый из трех основных блоков механизма преступного поведения (мотивация, планирование, исполнение) представляет собой сложное образование, включающее разнообразные психические состояния и процессы, влияние внешней среды, принимаемые человеком решения и обратные связи [25, с. 33]. Принимая это во внимание, важным аспектом профилактической работы следует назвать психолого-воспитательное воздействие на осужденных. В условиях отбывания наказания личность испытывает постоянный психологический дискомфорт. Наиболее остро это проявляется в местах лишения свободы.

Основными психогенными факторами, определяющими поведение осужденного в условиях отбывания им наказания, являются, с одной стороны, сформировавшиеся у него негативные личностные особенности (установки, мотивация, отношение к окружающим, социальным нормам и ценностям, усвоенные принципы субкультуры и криминальной этики), с другой стороны, высокая степень эмоциональной напряженности, вызванная применяемыми к нему в процессе исполнения наказания ограничениями, принудительным изменением привычного образа жизни.

В профилактической работе с осужденными следует выделять два блока: *аналитический и коррекционный*.

На первоначальном этапе аналитической работы требуется изучение микросреды, в которой находятся осужденные, их дифференциация по следующим критериям:

– соотношение лиц по возрасту, образованию, другим социально-демографическим признакам;

– оценка обстановки в коллективе (отношения с администрацией, доминирующие настроения, наличие, причины, характер и интенсивность конфликтов в среде осужденных);

– определение роли в коллективе (формальное или неформальное лидерство; принадлежность к основной массе или к категории дезадаптированных и отвергаемых лиц);

– выявление склонности к тем или иным правонарушениям (определение групп лиц, склонных к наиболее опасным формам противоправного поведения — организации массовых беспорядков и участию в них, захвату заложников, насильственным преступлениям, побегам; дифференциация остальных осужденных по склонности к совершению прочих преступлений, например хищений; а также выявление лиц, вставших на путь исправления; таких лиц следует по возможности содержать отдельно от остальных).

Данные исследования необходимы для определения негативных тенденций, создающих возможность совершения правонарушений, а также для выявления склонных к девиантному поведению и, напротив, виктимоопасных лиц. Они, соответственно, позволяют разрабатывать и внедрять целый комплекс упреждающих мер организационного и психолого-воспитательного характера. Дифференциация осужденных, выражающаяся в их распределении по отрядам, также имеет значение самостоятельной профилактической меры, поскольку позволяет оптимизировать отношения в исправительном учреждении, предупреждает возникновение конфликтов.

Второй этап состоит в изучении личности отдельного осужденного, которое имеет целью определение его характера, привычек, образа жизни, круга общения, установок до осуждения, мотивов поведения, в том числе побудивших его совершить преступление. Данная аналитическая работа имеет узкоспециальный характер и требует привлечения квалифицированных психологов, желательно специализирующихся на методиках диагностики и психокоррекции лиц с аномальным поведением. Такие специалисты обязательно должны входить в штат органов и учреждений, исполняющих наказания. Полный психологический портрет личности осужденного, первоначально получаемый в ходе проводимого во время карантина многопрофильного тестирования и в последующем дополняемый периодическими наблюдениями, должен быть положен в основу:

– отнесения осужденного к определенной группе по ряду критериев, примерный перечень которых приведен выше;

– прогнозирования его возможного поведения в ближайшей и отдаленной перспективе путем соотнесения известных условий отбывания наказания с тенденциями, свойственными определенному типу, к которому был отнесен осужденный. Вместе с тем первоначальные сведения не дают в полной мере объективной характеристики личности. К тому же некоторые ее свойства могут приглушаться либо, наоборот, актуализироваться под влиянием конкретных условий отбывания наказания, сложившихся уже в них ролевых, поведенческих особенностей, отношений в новой среде (с другими осужденными и администрацией), а также трансформации личностных свойств. Поэтому необходимый эффект индивидуальной профилактической работы может быть обеспечен лишь при условии постоянного наблюдения за поведением осужденного и периодической психологической диагностики посредством тестирования и применения других методик.

Отечественная доктрина предупреждения противоправного поведения заключается в том, что «способность совершить преступление «социально управляема», поскольку лежащие в ее основе нравственные свойства и качества личности можно изменять, регулировать, ориентировать в социально нужном направлении» [26, с. 99]. При этом основными методами выступают убеждение и принуждение, которые и составляют суть индивидуальных воспитательно-профилактических мероприятий, основанных на строгом соблюдении законности. Следует согласиться с В.Д. Ивановым, отмечающим, что способность совершить преступление не вытекает из каких-либо врожденных особенностей личности и не означает фатальной неизбежности его преступного поведения. Вместе с тем индивидуальную профилактику нельзя сводить только к автоматическим реакциям человека на систему подкрепления-поощрения или осуждения, а именно к этому сводится содержание теории «оперантного поведения». Важное значение в процессе предотвращения замышляемых преступлений имеет осознание лицом своих поступков с позиций требований моральных стимулов той или иной деятельности [27, с. 238].

Полученная в ходе аналитического этапа работы информация должна служить основой для коррекции поведения наблюдаемого. Ее главны-

ми формами являются устранение причин и условий, детерминирующих девиантное поведение конкретного индивида; проведение воспитательно-профилактических бесед; стимулирование заинтересованности в позитивной деятельности.

Особую актуальность имеет своевременное выявление и устранение негативных факторов и тенденций, влияющих на душевное состояние осужденного. К ним относятся прежде всего употребление алкоголя, наркотических и других психотропных средств, организация азартных игр и участие в них, систематический отказ от работы либо выполнения возложенных обязанностей, склонность к агрессии, неповиновению, подстрекательству или участию в массовых беспорядках, гомосексуализм (в местах лишения свободы — зачастую принудительный), состояние фрустрации ввиду невозможности решить актуальную для осужденного проблему (например, повидать родственников, оказать помощь в случае болезни либо иной тяжелой жизненной ситуации, в которой оказался близкий человек), отвержение со стороны осужденных по каким-либо причинам, дезадаптация. Указанные обстоятельства приводят к одинаково нежелательным последствиям двоякого рода, непосредственно зависящим от характеристик личности:

- суицидальным попыткам;
- совершению побега, захвата заложников, других преступлений, прежде всего насильственных, в которых осужденный может видеть выход из сложившейся психотравмирующей ситуации.

В проведение контррецидивной профилактической работы в пенитенциарных учреждениях следует, по нашему мнению, внести ряд новаций. Так, А.Г. Емельяновой предложен комплексный подход к совершенствованию профилактической работы, который предполагает несколько направлений (рис. 3).

В целях дифференциации профилактического воздействия на осужденных предлагается типология личности осужденного, поставленного на профилактический учет:

- положительно реагирующий на профилактические мероприятия;
- трудно реагирующий на профилактические мероприятия;
- не реагирующий на профилактические мероприятия;
- злостно уклоняющийся от профилактических мероприятий.

К группе риска следует отнести:

- осужденных против половой неприкосновенности и половой свободы;
- несовершеннолетних;
- лиц, имеющих судимость за ранее совершенное умышленное преступление;
- ранее неоднократно судимых, особо опасных рецидивистов;
- впервые осужденных за тяжкое умышленное преступление;
- больных алкоголизмом и наркоманией;
- осужденных, которые допускают административные правонарушения и имеют предупреждения или взыскания;

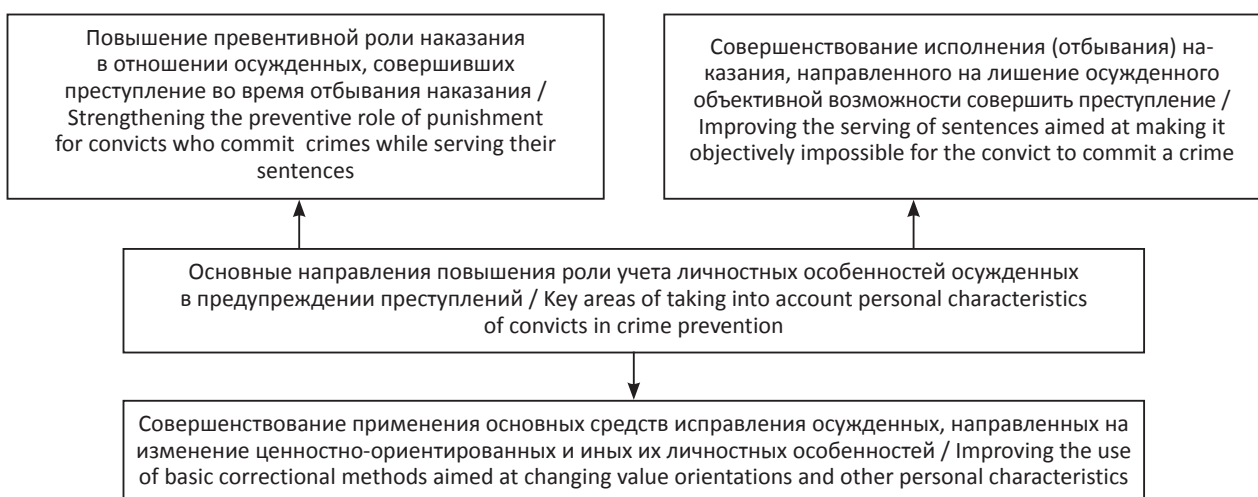

Рис. 3. Основные направления совершенствования профилактики преступлений в местах лишения свободы

Fig. 3. Key directions of improving crime prevention in places of confinement

– осужденных, не имеющих родственников и иных социально полезных связей на свободе;
– лиц, от которых, по оперативным сведениям, можно ожидать совершения повторного преступления.

К группе повышенного внимания предлагается относить:

– осужденных, поставленных на учет за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних, личности; за преступления экстремистской направленности; ранее неоднократно судимых, находившихся в местах лишения свободы; лиц, систематически нарушающих условия и порядок отбывания наказания; лиц, склонных к побегу, насильственным преступлениям, захвату заложников;

– осужденных, поставленных на учет на основании психодиагностических обследований, характеристик и рекомендаций психолога;

– осужденных, поставленных на учет на основании экспресс-методики «Выявление «группы риска» осужденных, склонных к совершению повторных преступлений после постановки на профилактический учет».

Каждый тип должен характеризоваться определенными признаками, к которым предлагается отнести, по нашему мнению, количество случаев уклонения от профилактических мероприятий; количество случаев уклонения от профилактических мероприятий по объективным причинам; наличие (число) дисциплинарных взысканий за уклонение от участия в профилактических мероприятиях.

Приведенная типология осужденных, состоящих на профилактическом учете, на наш взгляд, позволит, во-первых, производить оценку результатов профилактической работы с подучетными в целом в исправительном учреждении, а во-вторых, оценить эффективность профилактической работы с конкретным осужденным за время нахождения его на учете.

Подводя итог сказанному, необходимо отметить следующее. Сущность профилактической работы в условиях исполнения наказания состоит в таком упреждающем воздействии на осужденных, которое позволяло бы, во-первых, исключить или свести к минимуму объективные факторы, порождающие отклонение от социальных норм, во-вторых, осуществить коррекцию девиантного поведения определенного контингента лиц и отдельных индивидов и способствовать их ресоциализации, т.е. позитивному изменению их установок и мотивации, а в-третьих, обеспечить их безопасность и соблюдение ими законности и требований режима. Все указанные аспекты взаимосвязаны и должны рассматриваться в единстве.

Таким образом, под *профилактикой пенитенциарного рецидива* следует понимать единый комплекс общих, специальных и индивидуально адресованных мер по устранению (нейтрализации) условий, детерминирующих совершение преступлений осужденными. Она, в свою очередь, способствует реализации превентивной функции наказания, рассчитанной на более отдаленное будущее.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пенитенциарная криминология : учебник / под ред. Ю.М. Антоняна. — Рязань : Акад. ФСИН России, 2009. — 567 с.
2. Калинин Ю.И. К вопросу о понятии, сущности и основных чертах пенитенциарного преступления / Ю.И. Калинин // Человек: преступление и наказание. — 2004. — № 4 (48). — С. 13–15.
3. Старков О.В. Криминопенология : учеб. пособие / О.В. Старков. — М. : Экзамен, 2004. — 480 с.
4. Заборовский В.А. Криминологическая характеристика и предупреждение пенитенциарной преступности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В.А. Заборовский. — СПб., 2005. — 198 с.
5. Ишигеев В.С. Пенитенциарные преступления: характеристика, предупреждение, ответственность : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / В.С. Ишигеев. — Красноярск, 2004. — 331 с.
6. Тютиков С.Р. Криминологическое прогнозирование преступности среди осужденных к лишению свободы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / С.Р. Тютиков. — Рязань, 1998. — 21 с.
7. Старков О.В. Основы криминопенологии / О.В. Старков. — Уфа : Уфим. юрид. ин-т, 1997. — 263 с.
8. Cloward R. Delinquency and Opportunit: A Theory of Delinquent Gangs / R. Cloward, L. Ohlin. — New York : Free Press, 1960. — 220 p.
9. Гилинский Я.И. Очерки по криминологии / Я.И. Гилинский. — СПб. : Алеф-Пресс, 2015. — 140 с.
10. Crime and Social Exclusion / eds C. Finer, M. Nellis. — New York : Wiley-Blackwell, 1998. — 184 p.
11. Young J. Exclusive Society: Social Exclusion, Crime and Difference in Late Modernity / J. Young. — London : Sage, 1999. — 231 p.
12. Андреев Н.А. Социология исполнения уголовных наказаний / Н.А. Андреев. — М. : Права человека, 2001. — 137 с.
13. Криминология : словарь / под ред. В.П. Сальникова. — СПб. : Лань, 1999. — 256 с.

14. Abolitionism in history: on another way of thinking / eds Z. Lasocik, M. Platek, I. Rzeplinska. — Warsaw : Institute of Social Prevention and Resocialization, 1991. — 200 p.
15. Morris R. *Crumbling Walls. Why Prisons Fall* / R. Morris. — New York : Mosaic Press, 1989. — 166 p.
16. *Criminology as Peacemaking* / eds H. Pepinsky, R. Quinney. — Bloomington : Indiana Univ. Press, 1991. — 339 p.
17. Braithwaite J. *Crime, Shame, and Reintegration* / J. Braithwaite. — Cambridge Univ. Press, 1989. — 226 p.
18. Устинов А.А. Повторная преступность осужденных в период отбывания наказания в виде лишения свободы: криминологический анализ : учеб. пособие / А.А. Устинов, А.Г. Емельянова. — Пермь, 2016. — 52 с.
19. Ольховик Н.В. Рецидивная преступность осужденных и ее предупреждение / Н.В. Ольховик, Л.М. Прокументов. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. — 159 с.
20. Артемьев Н.С. Неотвратимость уголовной ответственности — фактор, влияющий на состояние и предупреждение рецидивной (пенитенциарной) преступности / Н.С. Артемьев // 2-й Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» : сб. тез. (Рязань, 25–27 нояб. 2015 г.) : в 8 т. — Рязань : Акад. ФСИН России, 2015. — Т. 1. — С. 44–47.
21. Артемьев Н.С. Принцип неотвратимости наказания как один из элементов профилактики правонарушений, совершаемых осужденными в местах лишения свободы / Н.С. Артемьев, М.Ю. Титанов // Евразийский юридический журнал. — 2016. — № 8 (99). — С. 197–200.
22. Филиппов М.Н. Повышение эффективности режима и надзора в исправительных учреждениях через призму раскрытия и расследования преступлений / М.Н. Филиппов // Проблемы повышения эффективности режима исполнения наказаний : сб. тез. Всерос. науч.-практ. конф., 6–8 апр. 2016 г. — Пермь, 2016. — С. 39–40.
23. Курников В.А. Причины и условия искусственной латентности пенитенциарной преступности / В.А. Курников // Пробелы в российском законодательстве. — 2011. — № 2. — С. 174–175.
24. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / под ред. С.М. Иншакова. — М. : Юнити-Дана, 2011. — 839 с.
25. Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования / В.Н. Кудрявцев. — М. : Инфра-М, 1998. — 216 с.
26. Карпец И.И. Проблема преступности / И.И. Карпец. — М. : Юрид. лит., 1969. — 168 с.
27. Иванов В.Д. Предупреждение и пресечение преступлений на различных стадиях их проявления / В.Д. Иванов. — Ростов н/Д., 2000. — 331 с.

REFERENCES

1. Antonyan Yu.M. (ed.). *Penitentsiarnaya kriminologiya* [Penitentiary Criminology]. Ryazan, the Academy of the FPS of Russia Publ., 2009. 567 p.
2. Kalinin Yu.I. To the issue of the concept, essence and key features of penitentiary crime. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Man: Crime and Punishment*, 2004, no. 4 (48), pp. 13–15. (In Russian).
3. Starkov O.V. *Kriminopenologiya* [Criminopenology]. Moscow, Ekzamen Publ., 2004. 480 p.
4. Zaborovskii V.S. *Kriminologicheskaya kharakteristika i preduprezhdenie penitentsiarnoi prestupnosti*. Kand. Diss. [Criminological characteristics and prevention of penitentiary crimes. Cand. Diss.]. Saint Petersburg, 2005. 198 p.
5. Ishigeev V.S. *Penitentsiarnye prestupleniya: kharakteristika, preduprezhdenie, otvetstvennost'*. Dokt. Diss. [Penitentiary crimes: characteristics, prevention, liability. Doct. Diss.]. Krasnoyarsk, 2004. 331 p.
6. Tyutikov S.R. *Kriminologicheskoe prognozirovanie prestupnosti sredi osuzhdennykh k lisheniyu svobody*. Avtoref. Kand. Diss. [Criminological prediction of crimes among inmates. Cand. Diss. Thesis]. Ryazan, 1998. 21 p.
7. Starkov O.V. *Osnovy kriminopenologii* [Basics of Criminopenology]. Ufa Law Institute Publ., 1997. 263 p.
8. Cloward R., Ohlin L. *Delinquency and Opportunity: A Theory of Delinquent Gangs*. New York, Free Press, 1960. 220 p.
9. Gilinskii Ya.I. *Ocherki po kriminologii* [Essays in Criminology]. Saint Petersburg, Alef-Press Publ., 2015. 140 p.
10. Finer C., Nellis M. (eds). *Crime and Social Exclusion*. New York, Wiley-Blackwell, 1998. 184 p.
11. Young J. *Exclusive Society: Social Exclusion, Crime and Difference in Late Modernity*. London, Sage, 1999. 231 p.
12. Andreev N.A. *Sotsiologiya ispolneniya ugolovnykh nakazanii* [The Sociology of Executing Criminal Punishments]. Moscow, Prava Cheloveka Publ., 2001. 137 p.
13. Sal'nikov V.P. (ed.). *Kriminologiya. Slovar'* [Criminology. A Dictionary]. Saint Petersburg, Lan' Publ., 1999. 256 p.
14. Lasocik Z., Platek M., Rzeplinska I. (eds). *Abolitionism in History. On another way on thinking*. Warsaw, Institute of Social Prevention and Resocialization, 1991. 200 p.
15. Morris R. *Crumbling Walls. Why Prisons Fall*. New York, Mosaic Press, 1989. 166 p.
16. Pepinsky H., Quinney R. (eds). *Criminology as Peacemaking*. Bloomington, Indiana University Press, 1991. 339 p.
17. Braithwaite J. *Crime, Shame, and Reintegration*. Cambridge University Press, 1989. 226 p.
18. Ustinov A.A., Emelyanova A.G. *Povtornaya prestupnost' osuzhdennykh v period otbyvaniya nakazaniya v vide lisheniya svobody: kriminologicheskii analiz* [Repeat Crimes of Convicts in the Period of Incarceration: a Criminological Analysis]. Perm, 2016. 52 p.
19. Ol'khovik N.S., Prokumentov L.M. *Retsidivnaya prestupnost' osuzhdennykh i ee preduprezhdenie* [Repeat Crimes among Inmates and their Prevention]. Tomsk State University Publ., 2009. 159 p.
20. Artemyev N.S. Inevitability of criminal liability as a factor influencing the condition and prevention of repeat (penitentiary) crime. *2-i Mezhduнародnyi penitentsiarnyi forum «Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie» (Ryazan', 25–27 noyabrya 2015 g.)* [2nd International Penitentiary Forum «Crime, Punishment, Correction» (Ryazan, November 25–27, 2015)]. Ryazan, the Academy of the FPS of Russia Publ., 2015, vol. 1, pp. 44–47. (In Russian).
21. Artemyev N.S., Titanov M.Yu. The principle of inevitability of punishment, as one element of prevention of offenses committed by convicts in places of deprivation of liberty. *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal = Eurasian Law Journal*, 2016, no. 8 (99), pp. 197–200. (In Russian).

22. Filippov M.N. Improving the efficiency of regime and supervision in correctional institution from the standpoint of solving and investigating crime. *Problemy povysheniya effektivnosti rezhima ispolneniya nakazanii. Sbornik tezisev Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 6–8 aprelya 2016 g.* [Issues of Improving the Efficiency of Penitentiary Regime. Collected Theses of All-Russian Research Conference, April 6–8, 2016]. Perm, 2016, pp. 39–40. (In Russian).

23. Kurnikov V.A. The reasons and conditions of the artificial latency of the penitentiary criminality. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, 2011, no. 2, pp. 174–175. (In Russian).

24. Inshakov S.M. (ed.). *Teoreticheskie osnovy issledovaniya i analiza latentnoi prestupnosti* [The Theoretical Basis of Investigating and Analysis of Latent Crimes]. Moscow, Yuniti-Dana Publ., 2011. 839 p.

25. Kudryavtsev V.N. *Genezis prestupleniya. Opyt kriminologicheskogo modelirovaniya* [The Genesis of Crimes. An Experience of Criminological Modeling]. Moscow, Infra-M Publ., 1998. 216 p.

26. Karpets I.I. *Problema prestupnosti* [Problem of Crime]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1969. 168 p.

27. Ivanov V.D. *Preduprezhdenie i presechenie prestuplenii na razlichnykh stadiyakh ikh proyavleniya* [Prevention and Suppression of Crimes at Different Stages of their Manifestation]. Rostov-on-Don, 2000. 331 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дворянсков Иван Владимирович — главный научный сотрудник НИЦ-2 Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний России, доктор юридических наук, доцент, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: diw@yandex.ru.

Буркина Ольга Александровна — доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний России, кандидат юридических наук, доцент, г. Пермь, Российская Федерация; e-mail: dog3011@yandex.ru.

Кузнецов Александр Иванович — врио начальника кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний России, г. Пермь, Российская Федерация; e-mail: alex.kuz75@yandex.ru.

Устинов Андрей Анатольевич — старший преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний России, кандидат юридических наук, г. Пермь, Российская Федерация; e-mail: ustin33@mail.ru.

Емельянова Анастасия Георгиевна — старший преподаватель кафедры режима и охраны в УИС Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний России, г. Пермь, Российская Федерация; e-mail: an.emelyanova83@yandex.ru.

Титанов Михаил Юрьевич — старший преподаватель кафедры режима и охраны в УИС Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний России, г. Пермь, Российская Федерация; e-mail: titanov76@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Дворянсков И.В. Криминологические основы профилактики рецидивной преступности в местах лишения свободы / И.В. Дворянсков, О.А. Буркина, А.И. Кузнецов, А.А. Устинов, А.Г. Емельянова, М.Ю. Титанов // Всероссийский криминологический журнал. — 2017. — Т. 11, № 4. — С. 748–760. — DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(4).748-760.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Dvoryanskov, Ivan V. — Chief Researcher, Science and Information Center 2, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Ass. Professor, Moscow, the Russian Federation; e-mail: diw@yandex.ru.

Burkina, Olga A. — Ass. Professor, Chair of Criminal and Penal Law, Perm Institute, the Federal Penitentiary Service of Russia, Ph.D. in Law, Ass. Professor, Perm, the Russian Federation; e-mail: dog3011@yandex.ru.

Kuznetsov, Alexandr I. — Acting Head, Chair of Criminal and Penal Law, Perm Institute, the Federal Penitentiary Service of Russia, Perm, the Russian Federation; e-mail: alex.kuz75@yandex.ru.

Ustinov, Andrei A. — Senior Lecturer, Chair of Criminal and Penal Law, Perm Institute, the Federal Penitentiary Service of Russia, Ph.D. in Law, Perm, the Russian Federation; e-mail: ustin33@mail.ru.

Emelyanova, Anastasia G. — Senior Lecturer, Chair of Regime and Security in the Penal System, Perm Institute, the Federal Penitentiary Service of Russia, Perm, the Russian Federation; e-mail: an.emelyanova83@yandex.ru.

Titanov, Mikhail Yu. — Senior Lecturer, Chair of Regime and Security in the Penal System, Perm Institute, the Federal Penitentiary Service of Russia, Perm, the Russian Federation; e-mail: titanov76@mail.ru.

FOR CITATION

Dvoryanskov I.V., Burkina O.A., Kuznetsov A.I., Ustinov A.A., Emelyanova A.G., Titanov M.Yu. The criminological basis of preventing repeat crimes in the places of confinement. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2017, vol. 11, no. 4, pp. 748–760. DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(4).748-760. (In Russian).